

Капитан М.

Пожарный из горячих точек

Капитан М.

Пожарный из горячих точек

«Автор»

2026

М. К.

Пожарный из горячих точек / К. М. — «Автор», 2026

Пожарный Артем Родин, бывший штурмовик с опытом чеченской войны, считал, что оставил прошлое позади. Но чудовищный пожар на секретном химическом заводе — не случайность. Это диверсия. Его расчет гибнет в огне, а сам он становится мишенью для безжалостных наемников. Чтобы спасти город от химической катастрофы и отомстить за своих, Родину придется вспомнить старые навыки. В дыму и пламени начинается его личная война — против террористов, коррумпированных силовиков и призраков собственного прошлого.

© М. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дым прошлого	5
Глава 2. Чужая война	10
Глава 3. Тоннель в прошлое	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Капитан М. Пожарный из горячих точек

Глава 1. Дым прошлого

Атмосфера в гараже десятой пожарной части была густой, как хороший бульон, и состояла из запахов машинного масла, старой резины, лакированного дерева и подгоревшего кофе. Стояла та странная, тягучая тишина, которая бывает только в промежутках между тревогами – время, наполненное ритуалами и ожиданием. Артем Родин сидел на откидном сиденье кабины своей машины, методично, почти медитативно натирая кусочком мягкой ткани латунный соединительный головок вентиля. Движения его больших, испещренных старыми шрамами и ожогами рук были точными и экономичными. Каждая мышца знала свою работу.

Со стороны он казался эталоном спокойствия, гранитной глыбой, на которую можно положиться. Таким его и знали в расчете: Родин – старший пожарный, человек-скала. Никогда не суетился, никогда не повышал голоса, его команды, поданные низким, хрипловатым баритоном, всегда были кратки и понятны. Но это спокойствие было не природным даром, а выстраданным, выкованным в ином пекле, далеком от огня бытовых и промышленных пожаров. Оно было похоже на тонкий лед на бурной реке. Под ним клубилось, булькало и рвалось наружу другое прошлое.

В уголке сознания, куда он редко заглядывал добровольно, стоял не запах гари, а едкая пыль грозненских развалин. Не тишина гаража, а приглушенное дыхание товарищей в бронетранспортере и далекие, но оттого не менее жуткие, хлопки выстрелов. Он резко провел рукой по лицу, смахивая наваждение. Прошлое должно оставаться прошлым. Здесь его война была с огнем, а товарищи – не штурмовики с автоматами, а пожарные с рукавами и стволами.

– Родич, опять свою коллекцию натираешь? – раздался молодой голос. К нему подошел Алексей Горчаков, самый юный в расчете, пацан лет двадцати двух, которого все звали Горячкой – за его неумный энтузиазм и привычку бросаться в самое пекло, не всегда думая о последствиях.

Артем не поднял глаз, продолжив свое занятие. «Родич» – это устоявшееся в части прозвище, производное от фамилии. Ему нравилось. Оно было своим, не армейским.

– Аппарат должен дышать, Леша. Если он засорится в самый неподходящий момент, кому-то может не хватить глотка воздуха. Твоего, например.

– Да уж, мне бы твою выдержку, – Горчаков прислонился к кабине, нервно постукивая пальцами по металлу. – Сидишь, как будто на рыбалке собрался, а не на потенциальный ад ждешь звонка.

– Ад никуда не торопится, – тихо ответил Артем. – Он всегда ждет. Лучше быть к нему готовым.

Разговор прервал пронзительный, леденящий душу вой сирены. Тягучее время мгновенно спрессовалось, превратилось в стремительную реальность вызова. Тишина взорвалась криками диспетчера из репродуктора.

– Десятый! Вызов! Городской район, промзона «Западная», улица Заводская, дом 15. Химический комбинат «Карбохим». Пожар в цехе номер три. Повторяю, пожар в цехе номер три! Повышенная сложность, химически опасный объект!

В гараже закипела работа. За долю секунды ритуальная медлительность сменилась точными, выверенными движениями. Артем одним движением закрепил блестящий узел на своем аппарате, уже висящем на полной боевой готовности рядом с костюмом химзащиты Л-1. Его

глаза, секунду назад казавшиеся мутными и отрешенными, теперь горели холодным, сфокусированным огнем.

– Горячка, Л-1, аппараты! Быстро! – его голос пробил гул начинающих работу дизелей.

Они были одеты и в кабинах за считанные секунды. Машина, могучий Урал-водопена, с ревом выкатилась из ворот части, набирая скорость. По улицам города она летела, разрезая ночь мигающими синими всполохами и оглушительными гудками сирены. За рулем был сам начальник караула, капитан Игорь Ставицкий, человек с лицом бульдога и сердцем, которое он тщательно скрывал под маской суровости.

– Итак, слушайте все! – крикнул Ставицкий, не отрывая глаз от дороги. – «Карбохим». Цех номер три. По техкартам – производство промежуточных органических растворителей. Там черт знает что может гореть. Родич, ты с Горячкой – первое звено. Оцените обстановку на входе. Не лезьте в облако дыма, ясно? Ждите данных от лаборантов.

– Есть, – коротко бросил Артем.

Он смотрел в окно на мелькающие огни города. Лицо его было непроницаемо, но внутри все напряглось. Химический комбинат. Не просто склад с краской. Его мозг, настроенный на иную опасность, начал автоматически анализировать: диверсия? Неумышленный поджог? Терроризм? Он отогнал эти мысли. Не его дело. Его дело – тушить и спасать.

Через пятнадцать минут они уже видели зарево. Не просто яркое пятно в небе, а огромный, ядовито-оранжевый купол, подпирающий низкие облака. Отблески пламени играли на стенах дальних домов. По мере приближения воздух стал густым и едким, даже внутри герметичной кабины почувствовался сладковато-горький запах горящей химии.

– Мать честная... – прошептал Горчаков, глядя на это пиршество разрушения.

Подъехав к проходной, они увидели хаос. Бегали люди в защитных костюмах, кричали охранники, уже подъезжали машины скорой помощи и МЧС. Главный корпус комбината был огромным, но пламя вырывалось именно из одного из цехов – длинного одноэтажного здания с высокими окнами, из которых теперь лились реки огня и черного, маслянистого дыма.

Расчет быстро развернулся. Ставицкий уже координировал действия с прибывшим начальником смены комбината, бледным как полотно мужчиной в белом халате.

– Где схемы водопровода? Подъезды! Что именно горит? – сыпал вопросы Ставицкий.

Артем со своим звеном уже был в полной экипировке: тяжелые ботинки, теплоотражающий костюм, каски, аппараты на сжатом воздухе на спине. Он проверил давление у себя, потом у Горчакова, щелкнул по трубке маски.

– Слышишь?

– Слышу, – голос Алексея был слегка прерывистым, но собранным.

– Идем. Держись ближе. Никакой самостоятельности.

Они двинулись к горящему цеху. Жара становилась ощутимой даже на расстоянии пятидесяти метров. Воздух гудел от рокота пламени и шипения воды от первых пожарных стволов, которые уже начали работать другие расчеты. Дым был непроглядным, черным как смоль. Он стелился по земле, цепким туманом окутывая ноги, лез в глаза, несмотря на маски.

Артем сделал несколько пробных вдохов через фильтр, оценивая запах. Сладковатая горечь... цианистые соединения? Хлор? Мозг выдавал старые, армейские знания по химзащите. Он поднял руку в жесте «стоп» и посмотрел на портативный газоанализатор, который нес Горчаков. Прибор зашкаливал по нескольким параметрам сразу.

– Ставицкий, прием. Дым крайне токсичен. Требуется полная изоляция. Подход только в костюмах Л-1 и аппаратах. Повторяю, только в полной изоляции.

– Вас понял. Ждите подкрепления и лаборантов.

Но ждать было невозможно. Из здания, из разбитого окна, донесся слабый, но отчетливый крик. Человеческий крик.

– Слышал? – резко обернулся Артем к Горчакову.

Тот кивнул, глаза его за стеклом маски округлились.

– Ставицкий, в цеху люди! Слышал крик! Идем на разведку и эвакуацию!

– Родин, черт возьми, жди подкрепление! Там состав дыма неясен!

– Ждать некогда, капитан! – голос Артема не допускал возражений. – Люди горят. Мы идем.

Он не ждал ответа. Это было против устава, против всех правил, но это было единственно верным решением. Он не мог сидеть сложа руки, зная, что там, в аду, кто-то еще жив. Его война с огнем имела один главный закон: спасти любой ценой.

Он двинулся вперед, прокладывая путь через груды обломков и лужи непонятной жидкости, окрашенной в радужные цвета. Горчаков, не раздумывая, последовал за ним. Они подошли к огромным металлическим воротам цеха. Одно было полуоткрыто, из него валил особенно густой дым. Артем толкнул его плечом, и они вошли в преисподнюю.

То, что они увидели, было за гранью реальности. Цех представлял собой огромное пространство, заполненное призрачными очертаниями станков и гигантских цистерн. Пламя лилось с потолка, как лава, перебегало по стенам, пожирало все на своем пути. Видимость была не больше пяти-семи метров. Дым клубился такими плотными слоями, что свет от фонарей на их касках отражался обратно, слепя их самих. Гул огня был оглушительным, временами его прорывал треск ломающихся металлических конструкций или шипение прорывающихся трубопроводов.

– Ничего не видно! – крикнул Горчаков.

– Идем вдоль стены! Ищи! – скомандовал Артем.

Они продвигались медленно, ощупывая путь перед собой. Артем вел себя не как пожарный, а как штурмовик, зачищающий здание. Он постоянно сканировал пространство: потолок – нет ли угрозы обрушения, пол – нет ли луж горячей жидкости, стены – нет ли трещин в емкостях. Его взгляд упал на систему трубопроводов. Они были разорваны в нескольких местах, причем странным образом – не от взрыва, а как будто аккуратно, с помощью инструмента.

Странность. Первая зарубка в памяти.

Вдруг он заметил на бетонном полу возле одного из разорванных трубопроводов какой-то предмет. Не обломок, не кусок арматуры. Он наклонился и поднял его. Это был обломок ножа с характерной серповидной формой клинка и прорезью в середине. Нож, который в его прошлой жизни называли «штык-нож к автомату Калашникова образца 1989 года». Но не армейский, а коммерческий, туристический выпуск. Однако сталь была качественной, заточка – безупречной. Его бросило в жар. Этот предмет не имел ничего общего с производством химикатов.

Вторая зарубка. Глубже.

– Родич! Смотри! – крикнул Горчаков.

Артем обернулся. Алексей светил фонарем в угол, где лежали три тела в защитных комбинезонах работников завода. Они не двигались. Артем подбежал, встал на колени, проверил пульс. Холод. Смерть наступила давно. Но не от огня и не от дыма. Одежда вокруг грудной клетки одного из них была пропитана темной, почти черной кровью. Артем осторожно отодвинул ткань. Аккуратная, страшная рана. Колотая. Нанесенная узким, длинным клинком. Точный удар под ребро, в сердце. Профессионал.

Третья зарубка. И теперь в сознании Артема они сложились в ужасающую картину.

Это не пожар. Это не несчастный случай. Это бойня. Кто-то устроил здесь диверсию, перерезал трубопроводы, а потом начал методично убивать рабочих, чтобы не осталось свидетелей. И они, пожарные, зашли прямо в ловушку.

– Горячка, немедленно отходим! – его голос был резким, металлическим. – Это засада!

– Что? Какая засада? – не понял Алексей.

В этот момент где-то совсем рядом, в дыму, что-то щелкнуло. Сухой, короткий звук. Знакомый до боли звук отстегиваемой предохранительной скобы на гранате.

Инстинкт, выработанный сотнями боев, сработал быстрее мысли. Артем не стал разбираться, не стал кричать «граната!». Он просто рванулся с места, как пантера, с силой оттолкнул Горчакова в противоположную сторону, за массивную бетонную колонну, и сам кубарем скатился за другую.

Последовал ослепительный взрыв. Не мощный, как у боевой гранаты, а резкий, с хлопком. Но он сопровождался не огнем и осколками, а яркой, белой вспышкой, которая на секунду прожгла дым, и волной невыносимого тепла. Термобарическая? Нет, слабее. Какая-то самодельная зажигательная шашка. Осколки бетона и металла со свистом пролетели над их головами.

– Горячка! Жив? – закричал Артем, вжимаясь в пол.

– Да... да... вроде... – был сбитый с толку ответ. – Что это было, Родич?!

– Это была охота, – сквозь зубы прорычал Артем. Его мир в одно мгновение сузился до размеров горящего цеха. Огонь, дым, смерть и невидимый враг, который знал, что они здесь, и который только что попытался их убить. Он снова был там, в своих горах, в своих развалинах. Только здесь его оружием был не автомат, а пожарный ствол, а его броней – теплоотражающий костюм.

Он выглянул из-за укрытия. В дыму мелькнула тень. Высокая, быстрая, скользнувшая между танков с реагентами. Не пожарный, не рабочий. Фигура в темной, облегающей одежде без опознавательных знаков, с противогазом на лице. В руках – компактный автомат, карабин с укороченным стволом.

– Диверсант. Один. Вооружен, – быстро доложил он Горчакову, переходя на армейский, отточенный жаргон. – У нас нет стволов. Только шансовый инструмент. План один: отход к выходу. Прикрывай меня. Кричи, если увидишь движение.

– Чем прикрывать-то? – почти взвыл Горчаков.

– Водой! – Артем схватил свой пожарный ствол. – Бьешь веером по площади, где я указал! Заряжай!

Он рванулся к следующему укрытию, к огромному металлическому котлу. Горчаков, дрожащими руками, но с выученной сноровкой, открыл воду. Мощная струя ударила в дым, в то место, где скрылась тень. Вода шипела, превращаясь в пар, но создавала нужную завесу.

Раздалась короткая очередь. Три выстрела. Глухие, приглушенные дымом и общим грохотом. Пули с визгом рикошетили от металла котла, за которым прижался Артем.

«Стрелок не первоклассный, – холодно зафиксировал мозг Артема. – Нервничает. Бьет по шуму, а не на опережение».

– Горячка! Перебежка! Ко мне! – скомандовал он.

Пока Алексей перебежал, Артем оценил обстановку. Выход был метров тридцать позади них. Тридцать метров открытого пространства, залитого огнем и затянутого дымом, где их ждал снайпер. Прямой путь – смерть.

Нужен был отвлекающий маневр. Его взгляд упал на разорванный трубопровод, из которого с шипением вырывалась какая-то желтоватая жидкость, образуя на полу лужу. Пар над ней колыхался. Легковоспламеняющаяся? Возможно. Риск. Но другого выхода не было.

– Леша! Давай сюда огнетушитель! Пенный! – крикнул он.

Горчаков подал ему тяжелый баллон. Артем сорвал чеку, направил раструб не на огонь, а на ту самую лужу и нажал на рычаг. Густая пена хлынула на пол, покрывая жидкость и часть окружающего пространства. Она не тушила пожар, а создавала непроходимый для обзора барьер.

– Теперь бежим! Вдоль стены, зигзагом! Не останавливаться!

Он выскочил из-за укрытия, таща за собой Горчакова. Они побежали, пригнувшись, в сторону выхода. Из дымовой завесы позади них снова прозвучали выстрелы, но беспорядочные, наугад. Пена и дым сделали свое дело.

Через несколько секунд, которые показались вечностью, они вывалились обратно через те же ворота, падая на асфальт под открытым небом. Их окружили кричащие пожарные, медики. Ставицкий подбежал к ним, его лицо было искажено яростью и страхом.

– Родин! Что, черт вас побери, там происходит? Слышали взрыв! Стрельбу!

Артем, тяжело дыша, отстегнул маску. Его лицо было черным от сажи, но глаза горели ледяным, нечеловеческим спокойствием.

– Капитан, – его голос был хриплым, но твердым. – Пожар – это прикрытие. В цеху диверсанты. Вооруженные. Они убили рабочих. И они попытались убить нас. Это не тушение. Это боевая операция. Нужно эвакуировать всех отсюда и вызывать спецназ.

Ставицкий смотрел на него с недоверием, смешанным с ужасом.

– Ты уверен? Может, тебе почудилось в дыму? Стрельба... может, это лопнули баллоны...

Артем молча разжал кулак. На его ладони лежал тот самый обломок ножа.

– Это почудилось? А это? – он указал на свежие следы от пуль на своем пожарном стволе и на рваную дыру на рукаве костюма Горчакова, где пуля прожгла ткань, лишь чудом не задев тело.

Капитан побледнел еще больше. Он посмотрел на горящий цех, потом на своих огнеборцев, потом снова на Артема. В его глазах читалась тяжелая, непосильное решение.

– Все звенья! Немедленный отход на безопасное расстояние! Периметр оцепляется! Вызываем полицию и СОБР! – скомандовал он наконец.

Началась суматоха отступления. Артем стоял, опершись на колено, и смотрел на ад, который разгорался все сильнее. Его расчет был спасен. На время. Но он знал – диверсанты еще там. Они не уйдут, пока не выполнят свою задачу. А какая у них задача, кроме уничтожения завода и убийства свидетелей?

Он поднял голову и сквозь клубы черного дыма увидел очертания административного корпуса, стоящего поодаль. И там, на одном из этажей, он заметил короткую вспышку света. Не от огня. Скорее, как будто кто-то на мгновение открыл и закрыл штору, и луч фонаря мелькнул в окне. Сигнал? Наблюдатель?

Его прошлое, которое он так старательно закапывал, поднималось из пепла, как феникс, обжигая его душу. Война нашла его. Здесь, среди его нового мира, среди его новых братьев. И она требовала его старых, забытых умений. Умений убивать.

Он медленно поднялся на ноги. Капитан Ставицкий подошел к нему, положил руку на плечо.

– Артем, все в порядке? Ранен?

– Нет, – ответил Родин, не отводя взгляда от того окна. – Все только начинается, Игорь. Они охотятся на нас. Но они не знают, что теперь охота пойдет на них.

В его голосе прозвучала та самая сталь, которая когда-то заставляла сжиматься сердца врагов в горах Чечни. Пожарный Артем Родин отступил. На его место вставал штурмовик Родин, прошедший через ад и знавший его правила лучше кого бы то ни было. Огонь был его стихией. Но сегодня ему предстояло сразиться с огнем, который разжигали люди. И это был самый страшный огонь на свете.

Глава 2. Чужая война

Адреналин еще пульсировал в висках, отдаваясь горьким привкусом во рту. Стоя у развешенного командного пункта на безопасном расстоянии от пылающего цеха, Артем Родин чувствовал себя не пожарным, вернувшимся из горячей зоны, а бойцом, вышедшим из зачистки с неудачными результатами. Он был жив, его напарник цел, но враг ушел, а задача осталась невыполненной. И этот враг был не слепой стихией, а разумной и смертоносной силой.

Вокруг царил контролируемый хаос. Прибывали новые пожарные расчеты, машины скорой помощи, полицейские автомобили с мигалками, окрашивающими клубы дыма в тревожные синие тона. Оцепление было расширено, зевак и сотрудников завода, не занятых в ликвидации, оттеснили еще дальше. Воздух гудел от голосов, раций, рокота дизелей и всепоглощающего гула пожара, который, несмотря на все усилия, лишь набирал силу.

Капитан Ставицкий, с лицом, застывшим в маске мрачной решимости, вел жесткий разговор с подъехавшим начальником управления МЧС по городу. Артем видел, как тот тыкал пальцем в карту завода, потом в сторону цеха, и качал головой. Ставицкий что-то кричал в ответ, его фигура, обычно такая устойчивая, казалась напряженной до предела.

К Артему и Горчакову уже подошли медики. Юноша сидел на борту машины, его трясло мелкой дрожью, парамедик накладывал ему на царапину на щеке пластырь. Артем от помощи отказался, отмахнувшись. Его взгляд был прикован к группе людей в темно-синих куртках с аббревиатурой «Следственный комитет» и оперативникам в штатском, которые, выслушав короткий доклад Ставицкого, теперь направлялись к нему.

Их было трое. Двое мужчин – один постарше, с усталым, умным лицом и внимательными глазами, другой – молодой, поджарый, с оценивающим взглядом – и женщина. Именно на ней остановился взгляд Артема. Лет тридцати пяти, строгая, с собранными в тугую узел каштановыми волосами, высокий лоб, прямой нос, тонкие губы. Но главное – глаза. Серые, холодные, сканирующие, как радар. В них не было ни капли эмоций, только анализ. Взгляд профессионала, привыкшего крючком вытаскивать правду из самых темных уголков человеческой души.

– Старший пожарный Артем Родин? – начал старший из мужчин, представившись подполковником юстиции Соколовым. – Вы утверждаете, что внутри находились вооруженные лица, которые открыли по вам огонь?

– Я не утверждаю, – голос Артема был ровным и глухим. – Я констатирую факт. Они убили трех рабочих в цеху. Колотые раны. Профессиональные. Затем попытались ликвидировать нас. Сначала с помощью импровизированного взрывного устройства, затем – стрельбой из автоматического оружия.

– Автомата? – молодой оперативник, представившийся капитаном Орловым, не скрывал скепсиса. – В такой дымовой завесе, в огне... Вы могли принять за выстрелы что угодно. Треск горящих конструкций, разрыв баллонов...

Артем медленно повернулся к нему. Его молчаливый взгляд был красноречивее любых слов. Орлов невольно отступил на шаг.

– Капитан, – мягко, но властно вмешалась женщина. Ее голос был низким, немного хриловатым, и в нем чувствовалась сталь. – Позвольте. – Она сделала шаг вперед, представившись: – Майор ФСБ, Иванова. Покажите мне то, что нашли.

Артем без лишних слов протянул ей обломок ножа, завернутый в носовой платок. Иванова взяла его не голыми руками, а надев латексные перчатки, которые мгновенно появились у нее в пальцах. Она внимательно изучила сломанный клинок, повертела его в свете фар.

– «Гюрза», коммерческая версия. Качественная сталь. Не игрушка, – ее выводы были краткими. – Где нашли?

– Возле разорванного трубопровода. Разрез был ровным, как будто его перепилили. Не взрывом.

– Понятно. И вы говорите, у рабочих были колотые раны?

– Один был убит ударом под ребро. Точное попадание в сердце. Скорее всего, этим, – Артем кивнул на клинок.

Иванова кивнула, передавая улику своему молодому коллеге, который достал пакетик для улик.

– Ваши действия, товарищ Родин, были... нестандартными для пожарного, – она посмотрела на него с новым интересом. – Уверенное укрытие, маневр, использование пены для создания помех. Судя по докладу капитана Ставицкого, вы спасла вашего напарника и себя, действуя по схеме, больше напоминающей боевую.

Артем почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он знал, что этот вопрос неизбежно возникнет.

– Инстинкт самосохранения, майор. И выучка. У нас есть тренировки по работе в чрезвычайных ситуациях.

– Тренировки учат не подставляться под пули, а не грамотно от них уворачиваться, – парировала Иванова. Ее взгляд скользнул по его лицу, будто пытаясь прочитать скрытый текст. – Ваше личное дело еще не запрошено, но по первым данным... Армейское прошлое. Война. Не так ли?

Он молчал. Это было равносильно подтверждению.

– Я так и думала, – в ее голосе прозвучало что-то похожее на удовлетворение. – Считайте, что с этого момента вы временно отстранены от тушения пожара. Вы – ключевой свидетель, а возможно, и участник событий. Прошу вас оставаться здесь.

В этот момент к группе подошел Ставицкий. Он выглядел измотанным.

– Майор, я требую объяснений! Мои люди в шоке, пожар не локализован, а вы отстраняете моего лучшего бойца!

– Ваш лучший боец, капитан, только что участвовал в перестрелке с диверсантами на объекте повышенной опасности, – холодно ответила Иванова. – Его жизнь и его показания сейчас являются приоритетом. А тушением пожара займутся присланные на подмогу специалисты-химики. Ваша задача – обеспечить им режимный периметр.

Ставицкий хотел было что-то возразить, но встретившийся с ледяным взглядом майора, лишь сжал кулаки и отошел, бросив на Артема взгляд, полный смешанных чувств: беспокойства, гордости и немого вопроса.

Иванова отвела Артема в сторону, под навес штабного автобуса, где было относительно тихо.

– Родин, давайте начистоту. Я не верю в совпадения. Пожар на секретном химическом объекте, диверсанты, убийства. И бывший штурмовик, который оказывается в самом эпицентре. Что вы на самом деле знаете?

– Ровно столько, сколько успел увидеть за пять минут в том аду, – отрезал Артем. – Я пожарный. Я пришел тушить пожар и спасать людей. Я наткнулся на убийц. Все.

– Ваше прошлое говорит о том, что вы можете видеть больше, чем обычный пожарный. Эти следы на трупах... манера... это не криминал. Это военная диверсия. Чистая работа.

Артем снова промолчал. Он и сам это понял, едва увидел тела. Рука профессионала. Возможно, даже коллеги по оружию из иных, враждебных структур.

– Хорошо, – Иванова, видя, что он не настроен на откровенность, сменила тактику. – Тогда другой вопрос. Вы сказали, что видели одного стрелка. Могло ли их быть больше?

– Да. Взрывное устройство было брошено с другой стороны. И... – он замолчал, вспомнив вспышку в окне административного корпуса.

– И? – майор уловила его колебание.

– И перед тем, как мы вышли, я видел свет. В окне админкорпуса. На третьем этаже. Короткая вспышка, как будто сигнал фонарем.

Иванова мгновенно преобразилась. Ее айфон оказался в руке, и она быстро набрала номер.

– Группа «Альфа», прием. Немедленно выдвигайтесь к административному корпусу завода «Карбохим». Третий этаж. Возможное нахождение наблюдателя или группы диверсантов. Прочешите все помещения. Действуйте по обстановке.

Она положила трубку и снова посмотрела на Артема.

– Спасибо. Это может быть важно. Теперь вам лучше пройти в автобус, вас допросят более детально.

Артем кивнул и направился к шаткому столику, где его уже ждал следователь Соколов с диктофоном. Но его мысли были далеко. Он смотрел на админкорпус, темный силуэт которого вырисовывался на фоне зарева. Если там были люди, то спецназ их уже заблокировал. Но что они могли искать в офисе, пока весь основной хаос был сосредоточен в цеху?

Допрос был долгим и нудным. Артем еще раз, детально, по минутам, восстановил весь свой путь от входа в цех до побега. Соколов задавал уточняющие вопросы, переспрашивал, заставлял описывать звуки, запахи, направление движения. Орлов сидел молча, но его недоверчивый взгляд говорил о том, что он все еще считал версию Артема галлюцинацией на почве стресса.

Примерно через час к автобусу подошла Иванова. Ее лицо было непроницаемым, но Артем, привыкший читать людей по мельчайшим признакам, уловил в ее позе напряжение.

– Группа в админкорпусе никого не нашла, – сообщила она, обращаясь скорее к Соколову, чем к Артему. – Но они нашли кое-что интересное. В кабинете начальника смены, том самом, окно которого выходило на горящий цех. На подоконнике – следы от обуви. Кто-то стоял там недавно. И на столе... был установлен мощный лазерный целеуказатель, направленный в сторону нашего командного пункта.

Ледяная волна прокатилась по спине Артема. Лазерный целеуказатель. Это не для сигналов. Это для наведения высокоточного оружия или для обозначения цели снайперу.

– Они до сих пор здесь, – тихо прошептал он. – Они наблюдали за нами. За мной.

– Возможно, – согласилась Иванова. – Или они уже выполнили свою задачу и ушли. Взрыв и пожар – отличная маскировка для проникновения и отхода. Мы проверяем все камеры наблюдения по периметру, но большинство из них выведены из строя заранее.

Внезапно гул пожара сменился нарастающим, зловещим шипением, а затем раздался новый, более мощный взрыв. Из цеха номер три вырвался гигантский столб огня и черного дыма, увенчанный грибом из раскаленных газов. Земля содрогнулась. Все находящиеся на командном пункте инстинктивно пригнулись. Посыпались стекла в уцелевших окнах соседних зданий.

– Второй взрыв! Цех номер три! Обрушение северной стены! – закричал кто-то в рацию.

Хаос достиг своего апогея. Артем, не обращая внимания на приказы оставаться на месте, выскочил из автобуса. Его опыт подсказывал: после такого взрыва последует цепная реакция. И он оказался прав. С шипением и свистом огонь начал перекидываться на соседний цех – номер четыре, где, если он правильно помнил схему, хранились готовые партии растворителей.

Иванова, отбросив всю официальность, схватила его за рукав.

– Родин! Где ваш капитан? Нужно немедленно эвакуировать всех на большее расстояние!

Артем окинул взглядом площадку. Ставицкого не было видно. Горчаков, бледный как смерть, стоял рядом с машиной, уставившись на новый очаг пожара.

– Капитан! Ставицкий! – закричал Артем.

И тут он его увидел. Ставицкий и еще двое пожарных пытались отвести рукавную линию, чтобы перенести ствол на новый очаг. Они находились слишком близко к эпицентру нового

взрыва. Над ними нависала поврежденная ферма перекрытия, из которой сыпались искры и куски шлака.

– Игорь! Отходи! Сейчас рухнет! – завопил Артем, но его голос потонул в общем грохоте.

Он рванулся вперед, но сильная рука Ивановой удержала его.

– Куда вы?! Там обвал!

– Мой капитан там! – рывком высвободился Артем.

В этот момент раздался оглушительный скрежет, и огромная секция кровли, пылающая, как факел, с грохотом обрушилась именно в том месте, где секунду назад стоял Ставицкий. Земля содрогнулась. Облако раскаленных искр, дыма и пыли накрыло площадку.

Артем, не помня себя, бросился к месту обвала. Иванова, выхватив табельный пистолет, побежала за ним, крича в рацию вызов медиков и группы спасения.

– Игорь! Ставицкий! – кричал Артем, влетая в облако дыма и пыли.

Он увидел страшную картину. Двое пожарных лежали без движения, присыпанные обломками. Ставицкий стоял на коленях, одной рукой упираясь в землю, другой сжимая плечо. Из-под пальцев сочилась кровь. На него упала небольшая металлическая балка, но основную массу обрушения приняла на себя пожарная машина, стоявшая чуть в стороне, теперь наполовину раздавленная.

– Жив... – прохрипел капитан, увидев Артема. – Ребята... помогите ребятам...

Артем и подбежавшая Иванова быстро стали разгребать горячий щебень и обломки. Одного пожарного удалось откопать быстро – он был без сознания, но жив. Со вторым было хуже – его нога была придавлена крупной бетонной плитой.

В это время с другого конца площадки, из-за угла цеха номер четыре, донесся новый звук – не взрыв, а резкая, короткая очередь из автоматического оружия. Затем вторая. Крики. Паника.

Иванова замерла, ее лицо вытянулось.

– Мои люди... – прошептала она. – Это стрельба со стороны периметра оцепления.

Она поднесла рацию к губам.

– Команда, доклад! Что происходит?

В ответ послышался лишь треск помех и сдавленный крик: – ...нас обстреливают! Известные... прорываются через западный забор... Не можем... – связь прервалась.

Артем посмотрел на Иванову. В ее глазах он увидел то же, что чувствовал сам. Это была не просто диверсия. Это была военная операция. Диверсанты не ушли. Они решили довести дело до конца, устранив всех, кто мог им помешать, включая сотрудников ФСБ.

– Майор! – крикнул подбежавший молодой оперативник Орлов. Он был ранен, кровь текла по его виску из небольшой раны. – Группа из трех человек. В масках, с автоматами. Прорвались через оцепление и скрылись в районе склада готовой продукции. Мы их потеряли!

– Склад готовой продукции? – переспросила Иванова. – Но это в противоположной стороне от выхода. Они идут вглубь территории. Зачем?

Артем, все еще помогая медикам грузить раненого пожарного на носилки, вдруг все понял. Как пазл, картина сложилась в его голове.

– Не вглубь, майор. Они идут к эвакуации. Пожар и взрывы – не главная цель. Это дымовая завеса. Буквально и фигурально. Главная цель – не уничтожение, а проникновение. Куда-то, куда нельзя попасть в обычных условиях.

– Проникновение? Куда? – не поняла Иванова.

– В цех номер четыре сейчас перекинулся огонь? – быстро спросил Артем.

– Да, но...

– А что под цехом номер четыре? По техкарте, которую я видел, там находится старый подземный тоннель. Еще с советских времен. Для транспортировки особо опасных материалов

между цехами без выноса на поверхность. Его должны были законсервировать, но вводят в строй только в случае чрезвычайной ситуации.

Иванова смотрела на него с открытым ртом.

– Откуда вы знаете...

– Я интересовался схемами всех потенциально опасных объектов в городе, – отрезал Артем. – Это моя работа. Они используют тоннель. Чтобы проникнуть куда-то, что находится далеко за пределами этого завода. Или чтобы вынести что-то.

Майор мгновенно сообразила.

– Лаборатория... – прошептала она. – Под землей, в полукилометре отсюда, находится заброшенный НИИ «Синтез», который раньше был частью этого комбината. Там десятилетиями ведутся секретные разработки по химическому оружию двойного назначения. Он законсервирован, но охраняется. Они идут туда.

Теперь все встало на свои места. Поджог, диверсия, убийства, отвлекающий маневр – все это было нужно, чтобы под прикрытием хаоса небольшая, хорошо вооруженная группа проникла через старые, забытые коммуникации на объект строгой секретности.

– Надо их остановить, – просто сказал Артем. – Если они вынесут оттуда хоть грамм того, что разрабатывают, последствия будут хуже любого пожара.

– Моя группа рассеяна, рации глушат, связь с центром прервана, – с отчаянием в голосе констатировала Иванова. – Спецназ будет здесь не раньше, чем через двадцать минут. Они уже там.

Она посмотрела на Артема. И в ее взгляде был не приказ, а вопрос. Мольба.

Артем Родин посмотрел на горящие руины, на уносимого в скорую Ставицкого, на испуганное лицо Горчакова. Он снова почувствовал ту самую, давно забытую тяжесть в груди. Тяжесть ответственности. Тяжесть выбора. Это была не его война. Он дал себе слово никогда больше не брать в руки оружие.

Но враг был здесь. И он угрожал его дому, его товарищам, его городу. И против него были бессильны все пожарные расчеты мира.

Он медленно выпрямился. Его глаза встретились с глазами майора.

– Где склад оружия вашей группы? – его голос был тихим, но в нем слышался лязг стали.

Иванова, не говоря ни слова, кивнула в сторону своего разбитого служебного внедорожника. В багажнике лежали два автомата Калашникова с подствольными гранатометами, пистолеты и бронежилеты.

– Орлов! – крикнула она молодому оперативнику. – Вы с Родиным проходите к складу готовой продукции. Найдите вход в тоннель. Задержите группу. Я попытаюсь восстановить связь и направить к вам подмогу.

Орлов, все еще бледный от потери крови, смотрел на Артема с новым, смешанным чувством страха и уважения.

– Пожарный... – пробормотал он.

– Бывший штурмовик, – поправил его Артем, уже направляясь к внедорожнику. – Сегодня, кажется, мой выходной закончился.

Он открыл багажник. Запах смазки, металла и пластмассы ударил ему в нос, вызвав целую лавину воспоминаний. Он взял в руки автомат. Знакомый вес. Холод приклада. Он снял магазин, проверил его наполненность, передернул затвор. Все движения были автоматическими, отточенными тысячами часов тренировок.

Он набросил на себя бронежилет поверх грязного пожарного комбинезона. Сунул за пояс пистолет. Взял несколько магазинов и гранат.

– Вы знаете, как этим пользоваться? – ехидно спросил Орлов, запихивая в кобуру свой пистолет.

Артем повернулся к нему. В его глазах горел тот самый огонь, который видели когда-то его враги в горах Чечни. Огонь холодной, расчетливой ярости.

– Капитан, – сказал он, и в его голосе снова зазвучали старые, командирские нотки. – Я родился с этим. Ведете вы. Я – огневая поддержка. Двигаемся.

Они побежали в сторону склада, оставляя за спиной рев пожара и крики людей. Артем Родин снова шел на войну. Его война нашла его. И на этот раз он был к ней готов.

Глава 3. Тоннель в прошлое

Воздух на территории завода был непригоден для дыхания. Едкий химический смог, смешанный с дымом от горящей пластмассы и резины, застилал глаза и горло, несмотря на то, что они надели противогазы, взятые из багажника внедорожника Ивановой. Артем бежал впереди, его движения были точными и экономичными, как у волка, идущего по следу. Орлов, тяжело дыша, пытался не отставать. Рана на его голове кровоточила, пропитав бинт, который он наспех намотал.

– Ты уверен, что тоннель где-то здесь? – хрипло спросил оперативник, спотыкаясь о груды пустых бочек.

– Склад готовой продукции – это одноэтажное здание с синей крышей, – не оборачиваясь, бросил Артем. – По техсхеме, вход в тоннель должен быть в подсобке, за помещением с гальваническими ваннами. Его использовали для слива особо токсичных отходов без контакта с воздухом.

Он резко поднял руку, заставив Орлова замереть. Впереди, из-за угла, донеслись приглушенные голоса и звук отодвигаемого тяжелого предмета. Артем прижался к стене, плавно снял с предохранителя свой автомат. Орлов, дрожащей рукой, последовал его примеру.

– Два голоса, – прошептал Артем. – Остались прикрывать выход. Или вход.

– Как будем брать? – в голосе Орлова слышалась паника. Он был следователем, бумажной крысой, не бойцом.

Артем мельком взглянул на него. Капитан был не готов к ближнему бою. Ранен, напуган.

– Останешься здесь. Прикрывай тыл. Если услышишь выстрелы или увидишь кого-то, кроме меня, – стреляй в воздух. Это будет сигналом для Ивановой, если она сможет подойти.

– Но...

– Это приказ, капитан, – голос Артема не допускал возражений. В нем снова зазвучали те самые командирские нотки. – Твоя задача – живым дожидаться подмоги и указать им путь.

Не дожидаясь ответа, Артем бесшумно двинулся вперед. Он не пошел прямо к углу, а сделал крюк, прополз под разбитым транспортером и оказался у другого входа в складское помещение – через разбитое окно. Заглянув внутрь, он увидел двух человек в темной тактической форме и противогазах. Они стояли у открытого люка в полу, из которого тянуло затхлым, холодным воздухом. Один из них, высокий и жилистый, что-то говорил в портативную рацию. Второй, более коренастый, с автоматом на груди, внимательно смотрел на входную дверь.

«...группа «Бета» вышла на точку сбора. Повторяю, группа «Бета» на точке сбора. «Альфа», доложите обстановку на поверхности».

В радиации что-то захрипело в ответ, но разобрать слова было невозможно. Помехи.

Артем оценил обстановку. Помещение было заставлено стеллажами с канистрами. Укрытий много. Но противников – двое. Оба вооружены, оба настороже. Шанс на бесшумное устранение был, но минимальный. Нужен был отвлекающий маневр.

Его взгляд упал на несколько канистр с надписью «Ацетон». Легковоспламеняющаяся жидкость. Рискованно, но другого выбора не было. Он снял с поясной кобуры пистолет Ивановой – бесшумный ПБ. Проверил глушитель. Выстрел будет тихим, но не беззвучным.

Он прицелился в ближайшую канистру с ацетоном, стоявшую в метре от коренастого диверсанта. Выстрел. Глухой хлопок. Канистра вздрогнула, из пробитого отверстия хлынула прозрачная жидкость. Резкий запах ударил в нос даже сквозь противогаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.